

Волшебники

Алфи шел по галечным дюнам брайтонского пляжа к палатке с мороженым. Неожиданно в него врезался рыжеволосый мальчик с фрисби и сбил на землю. Алфи вовремя сдержал возмущенный вопль и очень постарался улыбнуться, ведь мальчик был из той большой компании ребят, которые по-щенячьи плескались у кромки воды, кричали друг другу загадочные фразы — «Что, съел?!» или «Кукареку!» — и хохотали без всякой причины.

— Здравствуй, — сказал Алфи.

— Привет, — ответил мальчик.

Он уже стоял на ногах, готовый умчаться, взгляд был прикован к толпе друзей, которые ждали и махали от воды. Мальчик запустил фрисби в их сторону — ярко-оранжевая вспышка на фоне голубого-голубого неба — и лишь затем посмотрел на Алфи.

— Почему ты так одет? — спросил. — Странно выглядишь.

И убежал. Алфи поднялся с неудобной гальки, отряхнул брюки и полосатую рубашку, купленные мамой специально для поездки на пляж.

Ничего страшного, утешил себя Алфи. Не такие уж эти ребята интересные. Во-первых, они, кажется, младше него, да и скучные наверняка, если отбро-

сильно их вопли и улыбки. Громкие дети часто скучные. Да и что бы сказала мама, если бы Алфи бросил свою мороженную миссию и припустил к ним играть? Если бы поскакал к волнам, окунулся в шум и визгливый смех, в кучу малу, где все пинают мелкую гальку?.. «Она попадет тебе в глаз, — сказала бы мама. — Или еще хуже, ты попадешь кому-нибудь в глаз». Если бы Алфи помчал навстречу водным брызгам, которые разлетаются по воздуху от танцующих пальцев и сверкают в лучах не по сезону жаркого апрельского солнца? «Вода смывает солнцезащитный крем, — заметила бы мама, — а мы ведь знаем, чем такое чревато? Такое чревато раком кожи, Алфи, родной, и кому тогда будет весело?»

Алфи понятия не имел, кому будет весело. Наверное, этим ребятам; они не перестанут пощеничьи плескаться в кромке прибоя на брайтонском пляже даже тогда, когда Алфи, одетого в больничную рубашку, уложат на койку и подключат к огромной гудящей штуковине со множеством трубочек, какие показывают в кино про больных. Голова у Алфи облысеет, как у раковых детей в телешоу «Разрядка смехом» и «Дети в беде», ведь Алфи, по словам мамы, станет раковым ребенком, а эти шумные ребята продолжают играть у воды.

Впрочем, время уходит, мама и Уоллес забеспокоятся. Алфи встряхнулся и возобновил путь к палатке с мороженым. Идти оказалось трудно: ноги утопали в гальке, повсюду были люди, одеяла и пляж.

Если до такого все же дойдет, рассуждал Алфи по дороге, и он действительно станет раковым ребенком, ему нужно просто дожить до одиннадцати лет. Тогда проявятся его магические способности,

он начнет брать уроки и узнает, как себя вылечить, ведь волшебники, ряды которых пополнит Алфи (он сомневался, что те смешливые ребята, похожие на стаю щенков, тоже волшебники), не болеют раком, а если и болеют, то недолго, потому что обладают чудесными способностями к самоисцелению. Значит, нет никакой надобности переживать о солнцезащитном креме или держаться подальше от воды, и мама не права — совершенно не права.

Однако краснолицый Уоллес обязательно ее подержит, и Алфи будет очень сложно спорить с ними обоими, когда они начнут называть его «своевольным упрямым» и «сплошным мучением». Даже пробовать не стоит. Если честно, то лучше подождать до одиннадцати лет, а уж потом забросить солнцезащитный крем, потому что становиться раковым ребенком до появления целительных способностей не хочется. Алфи повременит. На это у него ума хватит. Алфи разумен не по годам, часто повторяла в школе мисс Леннокс. Ему нравилась мисс Леннокс, и не беда, что у нее странные зубы и что она вместо «с» произносит «ш». Бедная мисс Леннокс. Жаль будет уходить от нее через десять месяцев, когда Алфи станет волшебником. Хотя уходить раковым ребенком тоже жаль, поэтому, наверное, следует подчиниться правилам солнцезащитного крема. Никакого моря. Никаких брызг. Никаких плясок и воплей у кромки воды.

Алфи отвернулся от ребят и устало побрел дальше. Вскоре он уже шурился на мороженщика, мужчину с помятым лицом и шипом в ухе.

— Два рожка, пожалуйста, — произнес Алфи. — И один лимонный сорбет.

Лучано-прорицатель — известный так же как Питер, а иногда как «чел» или «приятель» в среде наркоманов брайтонского побережья, в силу того, что он был двадцативосьмилетним белым мужчиной с дредами и носил вьетнамки независимо от сезона, — в глубине своей темной гадательной кабинки собирал вещи: ключи, деньги, солнцезащитные очки и бандану. Сегодня он закрывался рано: мечтал понежиться до заката в солнечных лучах, немного побыть в гармонии с красотами Вселенной. Не воспользоваться такой погодой было бы преступлением, сейчас лишь апрель, но стоит волшебное тепло, необычное даже для южного побережья — даже для Брайтона с его знаменитым микроклиматом. Ах, брайтонский микроклимат! Разумеется, при его упоминании Лучано-прорицатель/Питер глубокомысленно кивал и вслед за всеми в городе настаивал, что микроклимат неповторимый, вот только искренне ли кивал? Брайтон казался Лучано-прорицателю/Питеру таким же пасмурным, как и любая другая часть Англии.

Он ненадолго забылся и, натягивая бандану на грандиозную прическу, громко промурлыкал случайный отрывок из «*The Great Gig in the Sky*»¹ («Господи, — произнес в голове тихий назойливый голос, очень похожий на голос отца. — Совсем не Фрэнк Синатра»)... ох, сбился с мысли. «*Pink Floyd*»,

¹ «*The Great Gig in the Sky*» («Большое шоу в небесах», англ.) — песня группы «*Pink Floyd*» (здесь и далее примечания переводчика).

отец, собственный ужасный вокал, а что было в голове до того? Брайтонский микроклимат, погода не по сезону... Вселенная! Вот именно. Вселенная. Сегодня надо не переживать, а испытывать благодарность за свою удачу, за благословенное счастье быть частью вселенской, с позволения сказать, любящей матери. Он, Лучано-прорицатель/Питер, — дитя Вселенной, как и все люди вокруг, и этой радости у него не отнять, пусть ничего другого и нет, а если отцу не нравится, то пошел он к черту. Лучано-прорицатель/Питер воткнул солнечные очки куда-то между дредами и банданой, сунул ноги во вьетнамки и шагнул на асфальтированную дорожку. Да будет так, решил он и сам не понял, как «так», потому что растерялся от солнца и его теплой ласки.

Зима выдалась долгой — по слухам, худшей с тысяча девятьсот девяносто шестого года, когда в феврале Юпитер три недели противостоял Сатурну, а Меркурий двигался по ретроградной орбите. Или Сатурну противостояла Венера?.. Лучано-прорицатель/Питер сейчас не помнил; вполне возможно, что и она. Либо так, либо это вопрос перспективы, и на самом деле Сатурн противостоял Венере, а Меркурий вообще был ни при чем. Нужно справиться по книгам, потом, вечером, хотя... хотя до чего же *неправильно* ломать голову над столь сложными, чуть ли не академическими вопросами, когда — вы только посмотрите! Вот он, Брайтон, сверкает во всей своей красе. Легендарный город, место встречи вольной молодежи и эпических рокеров на мотоциклах («Выхлопные газы вредны для Матери-Земли, чуваки!») — обязательно кричал Лучано-прорицатель/Питер со своего скейтборда,

проезжая мимо очередной тусовки байкеров), дом для прославленного Королевского павильона (причудливого, колониального и немножко безвкусного) и неиссякаемый источник винтажных открыток с игривыми картинками и подписями, покупаемых на набережной для рассылки друзьям и родственникам (подписи, если честно, приводили в смущение). Тем не менее Брайтон в целом — потрясающее место, размышлял Лучано-прорицатель/Питер, опуская железные ставни на кабинке. Его второй дом. Брайтон. Надо бы поторопиться и нырнуть в него с головой; времени мало, часов через пять начнет темнеть.

— Здравствуйте, — произнес женский голос за спиной Лучано-прорицателя/Питера, едва он повернул ключ. — Вы закрываетесь на обед или на кофе, или, ну, на пять минут, чтобы сбежать за покупками, или уже *все*, и я окончательно и бесповоротно упустила шанс узнать сегодня свою судьбу?

Американка, хорошенькая. Очаровательная улыбка — в зубы вложено немало труда и в лицо, наверное, тоже. Другими словами, женщина была не молодой. И не старой, ни в коем случае, но на добрых несколько лет старше Лучано/Питера, это бесспорно. Однако кое-что поразило его в самое сердце. Незнакомка оказалась в точности нужного роста.

Давайте проясним — очень уж низким Лучано/Питер не был. Просто из-за того, что люди в Англии вырастали ужасно высокими, он иногда, в редких случаях, выглядел маленьким. В Японии, к примеру, которую Лучано/Питер всегда считал своей истинной духовной родиной, он оказался бы человеком комфортного среднего роста. Если, конечно, жители

Японии не начали дружно есть отвратительный капиталистический фастфуд, напичканный гормонами роста, как делают на Западе. Лучано/Питер никогда не посещал Японию и не мог сказать наверняка, что именно там едят и какими в результате становятся, тем не менее знал (это представлялось очевидным, понятным и не вызывало вопросов): хорошенькая американка, которая сейчас шурилась перед ним от солнца, была такого роста, что если бы Лучано/Питер, гипотетически, заключил ее в нежные объятия («Не льсти себе, сынок, — вновь прозвучал внутри отцовский голос, — она на тебя даже не глянет»), то смог бы удобно опустить подбородок на макушку этой красивой взъерошенной головки. Похоже, незнакомка из Калифорнии, решил Лучано/Питер, как группа «*The Beach Boys*», О'Нил и конец трассы 66. Словом, родственная душа, однозначно.

— Э-э, — протянул Лучано/Питер. — Тут есть еще один парень, дальше по набережной. Синий Сапфир. Он тоже предсказывает.

Ну да, может, она и родственная душа, но Лучано/Питер нервничал, ясно? Не каждый день Вселенная приводит к тебе на работу красивую женщину в точности нужного роста, которая к тому же хочет с тобой поговорить.

— Очень жаль. — Женщина пожевала ноготь большого пальца. — Подруга порекомендовала именно вас. Сказала, лучший во всем Брайтоне.

Лучано/Питер взглянул на просторный отлогий пляж, на прогретую солнцем гальку и песок, на отдыхающих, которые уже смаковали свободу, упиваясь этой роскошной картиной. Перевел взгляд на женщину. Она теребила кулон — аметист, отметил

Лучано/Питер, — ласкавший веснушчатую кожу декольте.

— Ваш камень по знаку зодиака?

— Водолей, — кивнула женщина. — Восходящая Венера.

Лучано/Питер был Весами. Идеальное сочетание.

Он сверкнул своей самой блаженной улыбкой и рискнул взять женщину повыше локтя. Кожа у нее оказалась теплой, плотной и чуть влажной. Наверное, если бы Лучано/Питер облизнул сейчас свои пальцы, то ощутил бы соленый вкус. («Гадость», — взвизгнул в голове отцовский голос). Именно так и следует поступать, верно? В тех редких ситуациях, когда Вселенная дарит вам нечто столь явное, столь *подходящее*, столь созвучное.

— В таком случае, — объявил Лучано/Питер, вновь вставил ключ в железные ставни и отпер кабинку (ловцы снов, карты звездного неба, разноцветные индийские шелка; он надеялся, что гостя оценит!), — я, пожалуй, сделаю исключение.

* * *

Вернувшись на одеяло к маме и Уоллесу, Алфи поздравил себя (молча и воспитанно, без бурных внешних проявлений) с полным успехом. Мороженое было доставлено без утечек, без потерь и без поводов называть Алфи «своевольным упрямым» и «сплошным мучением»! Хвала шипоухому мороженщику и его гениальному картонному изобретению, позволяющему легко переносить несколько рожков сразу. Благодаря этому миссия Алфи завершена. Причем справился он с блеском, как сказа-

ла бы мисс Леннокс. Она часто говорила подобные фразы; фразы, которые Алфи не очень понимал, но все равно считал прекрасными, возможно, еще и потому, что не понимал.

«С блеском». В голубое небо над пляжем вспорхнул воздушный змей, зелено-фиолетовый, с блестящим серебряным хвостом. Алфи напряженно всмотрелся и отыскал веревку — тонкую призрачную линию, — проследил за ней взглядом сквозь толпу до девочки в блестящем золотистом платье. Фантастика, до чего же вовремя Алфи нашел и этого змея, и эту девочку, как только задумался о блеске! Точно вызвал их по волшебству. Девочка, похоже, на несколько лет старше Алфи. По крайней мере, гораздо выше него. Он расфокусировал взгляд, понаблюдал за ней, пока она не превратилась в золотистое пятно, в проекцию на фоне огромного мира, в расплывчатую желтую блестку, а потом занялся мороженым.

«С блеском». Когда мисс Леннокс ходила между партами и раздавала проверенные контрольные — в математическом классе пахло моющим средством, а тускло-зеленые плитки на полу приглушали стук ее каблуков, — она помедлила возле Алфи, затем положила перед ним образцовую работу, его контрольную с решениями и ответами, написанными спокойно и аккуратно, — точно он щелкал вопросы с ледяной уверенностью Блофельда из «Шаровой молнии» (на самом деле Алфи нервничал; он почему-то всегда нервничал, когда выполнял задания мисс Леннокс, хотя, конечно же, любил ее), — контрольную, отмеченную столбиком красных галочек; они стояли рядом с аккуратными ответами Алфи, были идеальны

по форме, отражали неизменную правильность его решений и располагались точно друг над другом, как окна в небоскребе. «Справился с блеском», — похвалила мисс Леннокс. Ах, как же танцевал в тот вечер Алфи у себя в комнате! С каким упоением кружился, прыгал на кровать, а потом вытягивался на ней и закрывал глаза, жмурился от скучного облупленного потолка, будто от яркого солнца, и разглядывал цветные блестящие под веками, голубые, розовые, сиреневые и золотые, что порхали вокруг, как возбужденные слепящие искры, как крылья попугая, как парашютный шелк в игре в «кошки-мышки» на дне рождения у Имоджен. Если бы Алфи пошел туда опять, если бы вернулся на день рождения Имоджен после этого чудесного столбика красных галочек от мисс Леннокс и этого «с блеском», то скакал бы и визжал под парашютом не хуже других и не боялся бы поскользнуться в носках — не боялся бы упасть, протереть колени на брюках, получить синяк или царапину, порвать рубашку и тем самым огорчить и разочаровать маму, не боялся бы вообще ничего и хохотал бы даже громче остальных, когда попадался бы в лапы «кошке» и проигрывал. Громче и громче, пока хохот Алфи не заглушил бы всех, так же как сейчас мысль про мисс Леннокс и блестящие заглушают крики и смех ребят, резвящихся у кромки воды. Еще одно волшебство, думал Алфи, вот это мое умение заглушать, умение вызывать летающие блестящие.

— Алфи, родной. Ты пачкаешь рубашку, — сказал мясосторукий Уоллес.

Он в кои-то веки оказался прав. Алфи увлекся приятными воспоминаниями о минувшей славе

и допустил, чтобы мороженое из рожка потекло по правому рукаву новой рубашки. Остальные дети на пляже, конечно же, не носили рубашек и могли пачкаться мороженым сколько угодно. Они носили купальные костюмы и подставляли голые руки солнцу, будто были деревьями. Знаете ли вы, что ветки деревьев часто сравнивают с руками, а у сосен и елей ветки называют лапами — словно деревья, люди и звери связаны неким волшебным образом? Алфи раньше не знал, ему рассказала мисс Леннокс, и он приятно удивился. Наверное, именно такой окажется настоящая магия — без глупых «фокус-покусов», «абракадабры» и прочей чепухи, на которую способен любой ведущий вечеринки. Нет, настоящая магия основана на глубоком, интуитивном понимании невысказанного сходства между вещами, и в следующем году мисс Леннокс начнет учить этому Алфи, поможет ему освоить волшебные способности. Он очень надеялся, что начнет. Тогда не придется от нее уходить. Какой станет жизнь без мисс Леннокс? Подумать страшно, ведь и сам «блеск», и весь его тайный смысл тускнели в ее отсутствие, даже во время каникул.

— Алфи, — позвала мама. — Не отвлекайся.

Алфи слизнул верхушку подтаявшего мороженого и улыбнулся маме. Она в ответ вгрызлась в шарик лимонного сорбета, который почему-то был одновременно ярким и бледным и выглядел жутко холодным. Разве можно поглощать его с такой скоростью? Неужели у мамы зубы от него не ноют, желудок не выворачивается наизнанку и вечная головная боль не усиливается? Ну что за удовольствие в быстром поедании? Алфи хотел остановить маму, рассказать про мисс Леннокс, про руки-ветки-лапы у людей,